

UNITED WISDOM

Санкхья и йога: сознание, природа и освобождение

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-21-N02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Санкхья и йога: сознание, природа и освобождение

Представим условную сцену. Человек сидит перед письмом, которое давно собирался отправить. Он уже несколько раз переписал первую фразу. Внутри возникают разные голоса: надо ответить резко, лучше промолчать, следует всё объяснить. Через несколько минут он замечает не только содержание мыслей, но и сам факт их смены. Появляется вопрос: если я могу наблюдать эту смену, равен ли я тому, что сейчас происходит в моём уме?

Такое наблюдение знакомо многим, но ответы на него различаются. Классические санкхья и йога предлагают особое различение сознания и природы. Чтобы их понять, недостаточно назвать всякую паузу медитацией, а всякое внутреннее спокойствие освобождением.

О чём эта статья. Мы рассмотрим пурушу, пракрити и освобождение в классической санкхье и йоге Патанджали. Ум в этих системах принадлежит природе; сознание не тождественно мыслям; множество пуруш не сводится к единому атману адвайты. Затем разберём, что современный читатель может осторожно извлечь из этого различения и где применение перестаёт соответствовать историческому учению. Это философская статья, а не инструкция по позам, дыханию или лечению. Условные сцены служат объяснению вопросов и не устанавливают психологических закономерностей.

1. Почему недостаточно сказать «йога»

Слово «йога» обозначает множество исторических практик и систем. Здесь оно употребляется в ограниченном смысле: речь о «Йога-сутрах» Патанджали и об их классическом философском окружении. Эдвин Брайант подчёркивает разнообразие ранних йогических путей и связь рассматриваемой традиции с санкхьей. Общие метафизические основания не делают всякую йогу одной неизменной школой. Брайант, «The Yoga Sutras of Patanjali», §§1–2.

Это уточнение избавляет от привычной ошибки: узнавать древнюю мысль по современному названию занятия. Человек может регулярно посещать студию, где «йогой» называют двигательную практику, и почти ничего не знать о пуруше. Он не становится от этого плохим практикующим. Просто его занятие и предмет нашего чтения требуют разных описаний.

Полезно представить условную библиотеку, на полках которой одним словом обозначены спортивный урок, религиозный комментарий и философский трактат. Если мы перенесём обещания с одной полки на другую, получится утверждение, которого ни один источник не делал. Факт удобной позы не доказывает освобождения; знакомство с метафизикой не доказывает пользы конкретного движения; опыт сосредоточения не решает сам по себе вопрос о природе сознания.

Читателю не нужно отказываться от привычного употребления слова. Достаточно всякий раз спрашивать: о какой традиции и какой цели идёт речь? Наша статья не устанавливает, что современная практика неправильна. Она восстанавливает один из смыслов, который исчезает, если древнюю философию читать как предисловие к расписанию студии.

В этом есть более широкий урок для обращения с наследием. Знакомое название ещё не означает знакомый предмет. Чем легче слово входит в повседневную речь, тем внимательнее стоит проверять его значение в конкретном тексте.

2. Природа включает и внутренний мир

В классической санкхье пракрити — природа, из которой разворачивается психофизический мир. Ей принадлежат не только тела, но и функции ума. Пуруша, напротив, понимается как сознательный свидетель, отличный от пракрити. Ференц Ружа подчёркивает это разделение и несводимое множество пуруш. Ружа, «Sāṅkhya», §§4b–c.

Для современного читателя особенно неожиданно положение ума на стороне природы. В привычной речи «материальное» — стол, телефон, тело, а «духовное» — мысли, чувства, идеи. Но рассматриваемая система проходит по другой границе. Даже тонкое размышление и высокий образ могут оставаться изменяющимися явлениями, которые становятся предметом осознавания.

Условный человек думает о собственной независимости. Его мысль направлена на освобождение, но он замечает в ней и желание получить похвалу за глубину понимания. Мы можем отличить предмет мысли от способа, которым она возникла. Само содержание «я размышляю о свободе» ещё не делает происходящее свободным от привычных интересов. Это современный пример различения, а не проверка исторической метафизики.

Другая сцена: кто-то пытается опровергнуть неприятное чувство правильной мыслью. «Я всё понял, значит, тревоги быть не должно». Но чувство остаётся, и теперь к нему присоединяется спор с собой. Возможно, здесь полезно не оценивать один внутренний процесс как окончательного судью над всеми остальными, а сначала увидеть их последовательность: появилось чувство, возникла объясняющая мысль, затем требование немедленно измениться.

Из такого описания нельзя вывести существование пуруши. Оно помогает понять вопрос, на который отвечает школа: всё, что мы способны наблюдать как меняющееся, не обязательно является самим наблюдающим сознанием. Принять вопрос — ещё не значит принять ответ, но без вопроса ответ превращается в пустое слово.

3. Свидетель не становится владельцем всех чужих переживаний

Пуруша санкхьи не является единым сознанием, которому принадлежат все частные жизни. В системе признаётся множество несводимых сознательных субъектов. Поэтому сходство слов «свидетель», «сознание» и «истинное Я» с языком адвайты не доказывает одинакового учения. Ружа, «Sāṅkhya», §4c.

Этот пункт важен не только для классификации. Представим условного собеседника, который говорит другому: «Я знаю твоё переживание, ведь на глубине сознание одно». Даже если он придерживается соответствующей метафизики, конкретного знания о другом такая фраза не даёт. Чтобы понять чужое переживание, всё равно потребуется услышать рассказ, проверить смысл и допустить, что первое понимание ошибочно.

В нашей современной жизни нельзя заменить информацию метафизической близостью. Я могу разделять чьи-то ценности и плохо представлять его обстоятельства. Могу быть очень сочувствующим и неверно понимать, какая помощь нужна. Могу находить у себя похожее чувство, но не знать, что другой связывает с ним. Эти ограничения не исчезают после принятия учения о сознании.

Особенно осторожно следует обращаться с фразой «ты и есть чистый свидетель». В разговоре она иногда открывает пространство между состоянием и самоопределением. Иногда же она прерывает рассказ: человеку больше не разрешают говорить о своей усталости, обиде или конкретной трудности, потому что ему уже объяснили, кто он «на самом деле».

Более бережный современный вопрос звучит иначе: «Хочешь ли ты сейчас посмотреть на происходящее как на последовательность состояний, или важнее сначала обсудить само событие?» Он оставляет выбор человеку и не требует согласия с метафизикой. Так философская идея становится поводом для исследования, а не правом внешнего собеседника назначить чужой внутренний опыт.

4. Три гуны — не три типа людей

Санкхья описывает пракрити через взаимодействие саттвы, раджаса и тамаса. В самом кратком пояснении это ясность, активность и тяжесть или инерция; однако речь не о трёх независимых веществах и не о трёх окончательных человеческих характерах. Гуны действуют совместно. Ружа, «Sāṅkhya», §4b.

Почему стоит сопротивляться переводу этой схемы в тест личности? Потому что такой перевод меняет её функцию. Описание взаимодействия превращается в ярлык человека: «Он тамасичный, поэтому бесполезно с ним разговаривать». Мы больше не выясняем, что произошло, какие условия влияют и что может измениться. Древний термин начинает выполнять современную задачу исключения.

Условный руководитель видит, что сотрудник медленно отвечает. Он может назвать это инерцией и принять объяснение за наблюдение. Но ему ещё неизвестно, перегружен ли человек, ясно ли сформулирована просьба, доступны ли нужные сведения. Даже если руководитель пользуется языком гун как метафорой, проверка обстоятельств остаётся необходимой.

Есть и более мягкий риск. Человек распределяет свои дни: сегодня я в саттве, вчера был в раджасе, завтра надо избавиться от тамаса. Схема помогает говорить о переменах, пока остаётся открытой. Она мешает, когда становится требованием заслужить духовно правильную оценку каждым состоянием. Обычная усталость начинает переживаться как нравственная неудача.

Для нерелигиозного размышления можно ограничиться вопросами без ярлыков: что сейчас яснее, что подталкивает к действию, что удерживает? Это не современная «научная версия» гун. Это отдельный язык наблюдения, вдохновлённый вниманием к неоднородности процесса. Мы не подтверждаем древнюю онтологию тем, что нам удаётся найти три знакомых слова в собственном дне.

Есть дополнительная трудность: язык наблюдения может незаметно стать языком контроля. Условный человек начинает вести список состояний, чтобы ни одно из них не возникало без его разрешения. Он проверяет себя утром, после каждого разговора и перед сном. Если список показывает раздражение, появляется раздражение из-за раздражения. В результате наблюдение, которое должно было уточнить происходящее, становится ещё одним участником внутреннего спора. Из этого не следует, что самонаблюдение всегда вредно; следует только, что его реальное действие нельзя оценивать по красивому названию.

Здесь помогает конкретный критерий, который не претендует на духовный: стало ли описание точнее и появилась ли доступная развилка? Если запись «я злюсь» позволяет

понять, какое обещание нарушено и что нужно обсудить, она выполнила ограниченную задачу. Если запись лишь заставляет человека стыдиться любой злости, задача требует пересмотра. Современное упражнение можно изменить или прекратить. Традиционное понятие не должно использоваться как довод, запрещающий проверить последствия собственного применения.

И ещё: привычные различия «ясное», «активное», «инертное» не дают нам права назначать внутреннее состояние другого по его поведению. Молчание может сопровождать внимательное размышление, усталость, несогласие или нехватку слов. Высокая активность может поддерживать дело, а может мешать завершить одну задачу. В условной группе полезнее спросить, что человеку сейчас требуется для работы, чем объявить его состояние заранее понятным на языке древней схемы. Так уважение к традиции соединяется с уважением к неизвестному в конкретном случае.

5. Освобождение — больше, чем приятная тишина

В «Йога-сутрах» I.2–4 прекращение или удержание модификаций читты связано с пребыванием видящего в собственной природе; в II.25–26 освобождение связано с устранением неведения и устойчивым различением. Это цель внутри определённой картины реальности, а не синоним хорошего отдыха. Патанджали, «Йога-сутры», I.2–4; II.25–26, доступный перевод BonGiovanni.

Можно мысленно сравнить два условных вечера. В первом человек выключает уведомления и наконец чувствует спокойствие. Во втором он замечает, что даже желание сохранить спокойствие стало предметом сильной привязанности. Оба наблюдения могут быть значимыми. Но объявлять первое или второе «кайвальей» на основании нескольких минут означало бы слишком быстро измерить большую цель малым эпизодом.

Это различение не обесценивает отдых. Сон, пауза и снижение нагрузки могут быть важны по собственным основаниям. Им не требуется титул освобождения, чтобы иметь смысл. Проблема начинается, когда обещание конечной духовной цели используется для оценки обычного результата: если я снова расстроился, значит, вся практика провалилась.

Здесь полезен вопрос о масштабе. Какой результат был доступен сегодня? Например, человек заметил момент, в котором прочитал нейтральное письмо как обвинение, и решил уточнить смысл. Это конкретный итог. Он не доказывает исчезновения неведения в смысле школы. Но его можно проверить по действиям и по следующему разговору.

Мы сохраняем две линии: историческая традиция имеет собственную радикальную цель, а современный читатель может исследовать ограниченный жизненный эпизод. Сведение

первой ко второй обедняет традицию. Выдача второй за первую создаёт ложное обещание. Различение позволяет избежать обоих искажений.

6. Практика и непривязанность не должны воевать друг с другом

«Йога-сутры» I.12–14 связывают работу с модификациями ума с практикой и непривязанностью; устойчивость практики предполагает продолжительность. Это не обещание мгновенного результата от одной попытки. Патанджали, I.12–14.

В современном применении здесь возникает интересное напряжение. Человек хочет заниматься регулярно, но начинает воспринимать каждую пропущенную попытку как доказательство собственной несостоятельности. Желание освоить практику превращается в постоянный внутренний экзамен. Тогда полезно спросить: что именно поддерживает регулярность, а что только производит новое давление?

Условный читатель решил уделять несколько минут наблюдению мыслей. Вчера он смог, сегодня забыл, завтра вспоминает о пропуске и хочет компенсировать его большим усилием. Можно рассмотреть этот ход без оценки «правильный» или «неправильный»: появилась цель, была попытка, затем сбой, затем требование компенсации. Возможно, доступнее вернуться к небольшому действию, чем превращать возвращение в наказание. Это наше житейское рассуждение, а не предписание Патанджали о расписании.

Непривязанность при таком чтении нельзя приравнять к безразличию. Человек может серьёзно относиться к выбранному делу и признавать, что отдельный результат не находится полностью в его власти. Но нельзя и объявить любой отказ от ответственности непривязанностью. Если обещание не выполнено, нужно обсудить последствия, даже когда человек старается не отождествляться с успехом.

Поэтому важна двойная проверка: действие действительно поддерживает выбранную цель, и отношение к результату не требует уничтожить себя за несовпадение с ожиданием. Ни одна проверка не гарантирует духовного освобождения. Они лишь помогают точнее увидеть, что происходит в современном опыте вокруг слова «практика».

7. Этическое измерение и место Ишвары

Восьмичастная схема в II.29 начинается с ямы и ниямы, а не с физического достижения. II.30 перечисляет ненасилие, правдивость, нестяжание и другие ограничения. I.23–24 вводит обращение к Ишваре, особому пуруше, не затронутому омрачениями и кармическими следствиями. Такое место Ишвары отличает йогу от классической санкхьи, обычно рассматриваемой без необходимости Бога-творца. Патанджали, I.23–24; II.29–32; Брайант, §7 «Theism».

Современному читателю важно не превращать эти положения в список технических требований к спокойствию. Этическая проблема не исчезает потому, что человек способен сосредоточиться. Условный руководитель может говорить тихо и при этом подавлять сотрудника. Условный собеседник может спокойно игнорировать чужое возражение. Внешняя собранность не является достаточным свидетельством уважительного действия.

И религиозная часть тоже требует честности. Если мы убираем Ишвару и оставляем только полезные упражнения внимания, получится современное переосмысление. Оно может быть добровольным и содержательным, но его нельзя объявлять точным воспроизведением всей системы. Перевод традиции на понятный язык не должен делать её нерелигиозной задним числом.

Возникает возражение: разве нельзя использовать часть традиции, не принимая всё? Можно. Наш вопрос — не о запрете, а о точности описания. Человек вправе читать религиозное произведение вне веры, отмечать сильные вопросы и оставлять метафизику открытой. При этом следует сказать, какая часть взята и что изменено. Такая честность делает встречу продуктивнее, чем заявление, что древний автор на самом деле имел в виду исключительно современные навыки.

8. Что остаётся спорным

Различение наблюдаемого состояния и наблюдающего сознания ещё не решает всех трудностей. Почему нужно считать наблюдающего отдельной неизменной реальностью? Нельзя ли объяснить наблюдение одним процессом, который становится предметом другого? Как связаны две онтологически разные стороны, если пуруша не действует? Эти вопросы не следует прятать за словом «очевидно».

Условный читатель заметил свои мысли и заключил: «Значит, существование неизменного свидетеля доказано». Но исходное наблюдение установило меньше: у него есть возможность замечать мысль как мысль. Переход от этой возможности к метафизическому объяснению требует дополнительных аргументов. Современные

теории сознания и древняя санкхья могут по-разному понимать один и тот же описанный эпизод.

Обратный поспешный вывод тоже слаб: «Если это не доказано современным экспериментом, читать нечего». Философский аргумент оценивается не только как измерительный отчёт. Он помогает уточнять вопросы, различать предпосылки и видеть, какое объяснение потребовалось бы для собственного ответа. Можно не принять его итог и всё же понять задачу лучше.

Наша статья не пытается разрешить проблему сознания. Она предлагает честно различать три уровня: историческое утверждение школы, описание личного опыта и современное объяснение этого опыта. Когда уровни соединяются без аргумента, традиция получает незаслуженную научную печать, а личный опыт — несоразмерный метафизический статус.

Читатель сохраняет право на неопределённость. Возможно сказать: «Я понимаю, какое различение делает санкхья, но пока не принимаю её онтологию». Это содержательная позиция. Понимание не является договором о вере, а несогласие не обязано быть невнимательным отказом.

Одно из сильнейших возражений к нашим современным примерам состоит в том, что они будто бы делают санкхью удобной повседневной метафорой. Действительно, если после чтения остаётся только привычка точнее описывать письмо, историческая система ещё не понята целиком. Она говорит о реальности, карме и освобождении в масштабе, которого наш пример не охватывает. Поэтому важно назвать назначение примера: он открывает дверь к вопросу, но не заменяет комнату, в которую эта дверь ведёт.

Можно читать дальше двумя честными путями. Первый — изучать систему как философию: рассматривать её аргументы, комментаторские различия и возражения соперников. Второй — взять ограниченное различение для собственной жизни и признать, что оно было переосмыслено. Нечестный промежуточный путь начинается там, где мы используем только удобный фрагмент, но обращаемся к авторитету всей традиции, будто он подтвердил наше современное упражнение и гарантировал его результат.

Условный участник разговора может сказать: «Мне помогает смотреть на мысль как на событие, но я не знаю, что это доказывает о конечном сознании». В такой фразе есть и переживание, и предел знания. Она оставляет возможность продолжить исследование. Фраза «этот опыт доказывает всё, а несогласные просто не пробовали» закрывает его. Различие между ними касается не религиозности человека, а того, какое право он даёт собственному опыту в разговоре с другими.

Особенно непрост вопрос об освобождении неизменного пуруши. Если он по своей природе отличен от пракрити и не становится иным, что меняется в освобождении? Недостаточно ответить: «Он просто улучшает своё состояние». Такой ответ вернул бы изменение на ту сторону, которая была определена как не подлежащая обычным переменам. Нужно рассмотреть различие между изменением существа и устранением ошибочного смешения.

Для ограниченной аналогии представим зрителя, который настолько увлёкся спектаклем, что воспринимает события сцены как непосредственно происходящие с ним. Когда он вспоминает, что находится в зале, персонаж не исчезает, а место зрителя не создаётся заново. Меняется понимание отношения. Однако аналогия не решает метафизику: обычный зритель сам изменяется, обладает памятью и телом. Она только показывает, почему освобождение не обязательно мыслить производством нового сознания.

Отсюда становится понятнее и возражение. Вспоминание, различение и обучение происходят в уме, а ум отнесён к пракрити. Как же природный процесс прекращает смешение с тем, что не является природным? Если ответить, что сознание совершает усилие, нарушается его бездеятельность. Если ответить, что всё делает природа, остаётся объяснить её направленность к освобождению сознательного субъекта. Это серьёзная задача системы, а не ошибка, которую можно снять удачной метафорой.

В обзоре Ружи среди оснований признания пуруши обсуждается мысль: составное устройство служит тому, что отлично от его частей. Ружа, §4c. Наш вопрос к этому аргументу таков: обязательно ли существование функции требует отдельного от системы получателя? Возможный оппонент предложит иной ответ; стороннику санкхьи потребуется защитить переход. Такой спор показывает, что школа строит объяснение сознания и мира, а не только советует спокойнее относиться к мыслям.

9. Что это значит на практике

Для добровольного размышления можно выбрать спокойный, ограниченный эпизод: письмо, небольшое ожидание, неприятное замечание. Затем описать три вещи отдельно: что произошло снаружи; какие мысли или образы возникли; какое действие кажется доступным. Не нужно искать «чистое сознание» или принуждать себя к тишине. Цель — заметить, не выдаётся ли одна внутренняя реплика за всю ситуацию.

Например, в условном письме сказано: «Вернёмся к этому завтра». Человек прочитал: «Мой вопрос не важен». Он может признать реальность своей реакции и одновременно проверить, совпадает ли она с намерением отправителя. Возможный следующий шаг — уточнение. Если выяснится, что вопрос действительно отложен по существенной

причине, потребуется уже другое решение. Различение не обещает приятной развязки; оно делает её предметнее.

Можно спросить себя: «Какая мысль сейчас особенно хочет получить статус окончательного знания?» Иногда это «я всё испортил», иногда «другой всегда так делает», иногда «я уже выше подобных конфликтов». Последняя формулировка не обязательно точнее первых. Духовный словарь тоже способен закрывать исследование.

Этот опыт не является сокращённой системой Патанджали. Мы не предлагаем упражнения задержки дыхания, интенсивную медитацию, посты или преодоление физических ограничений. Если наблюдение неприятно или сейчас неуместно, его можно прекратить и вернуться к более прямой задаче: отдохнуть, уточнить сведения, обсудить договорённость. Добровольность важнее демонстрации философской дисциплины.

Результат такого опыта скромен: человек, возможно, увидит дополнительную развилку между мыслью и действием. Наличие развилки можно проверить по дальнейшему выбору. Обещать на этом основании изменение природы сознания или освобождение было бы превышением того, что опыт действительно показал.

10. Смотреть внимательнее, не исчезая из собственной жизни

Санкхья и классическая йога предлагают радикальное различение сознания и природы. При внимательном чтении оно сложнее популярной фразы «ты не твои мысли». Ум входит в природу, пуруш множество, а освобождение предполагает определённое знание и дисциплину. Современное состояние покоя не равно этой цели.

Человек из нашей первой сцены может в итоге отправить письмо, изменить его или отказаться от отправки. Философское чтение не выбирает за него. Оно помогает задать вопрос, который раньше не был виден: какая часть происходящего является событием, какая — интерпретацией, а какая — привычным требованием к себе?

При этом человеку не нужно исчезать из отношений под именем свидетеля. Если письмо требует ответа, ответ всё ещё нужен. Если другому нанесён вред, ответственность не отменяется. Если человек устал, ясное различение может включать признание усталости, а не борьбу с ней ради духовно правильного состояния.

Мы можем оставить открытой метафизику и сохранить внимание к тому, что действительно заметили. Иногда это и есть честный результат чтения: не новое торжественное самоописание, а способность сказать о собственном опыте чуть точнее, не присваивая чужого и не обещая себе окончательной свободы после одного спокойного вечера.

Использованные источники

1. Ferenc Ruzsa. Sāṅkhya. Internet Encyclopedia of Philosophy. §§4b–c: пракрити, гуны, множество пуруш; §5: освобождение.

2. Edwin Bryant. The Yoga Sutras of Patanjali. Internet Encyclopedia of Philosophy. §§1–3,7: историческое разнообразие, ум и сознание, связь с санкхьей, Ишвара.

3. Patañjali. Yoga Sūtras. Перевод BonGiovanni, Internet Sacred Text Archive. I.2–4, I.12–14, I.23–24, II.25–32: краткие первичные положения, сверенные с академическим изложением. Вольные особенности английской передачи не принимаются за единственное значение санскрита.